

Ю. В. Брисов*

Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях

Аннотация. Добросовестность (*bona fides*) представлена в Гражданском кодексе Российской Федерации в качестве общего принципа и презумпции. Разрешая корпоративные споры, суды руководствуются общими положениями о добросовестности. Однако корпоративные отношения обладают спецификой, обусловленной в том числе и разнообразием корпоративных форм. Можно предположить, что применение положений о добросовестности должно также различаться с учетом особенностей моделей корпоративного устройства, видов и форм корпоративных отношений, субъективных обстоятельств внутрикорпоративного уровня. Страны общего права разработали систему элементов добросовестности и специальных тестов, позволяющих применить нужное требование добросовестности исходя из контекста. Особое место уделяется фидуциарным отношениям как порождению *fides*. Автор проводит сравнительный анализ положений пленумов ВАС РФ и ВС РФ и правоприменительной практики Германии, США, Великобритании и Канады по вопросам добросовестности при рассмотрении корпоративных споров. Отдельное внимание уделяется соотношению корпоративной этики и права.

На примере рассмотрения ряда ключевых дел из правоприменительной практики судов англо-американской системы права автор обосновывает возможность применения специальных тестов — объективного и субъективного тестов добросовестности для регулирования вопросов, связанных с применением судами норм о добросовестности из Гражданского кодекса и специальных законов при рассмотрении корпоративных споров. Отдельное внимание уделяется роли судов и допустимой дискреции в формировании стандартов правоприменения бланкетных норм и общих принципов права в корпоративных отношениях.

Ключевые слова: добросовестность, фидуциарность, корпорация, корпоративная этика, ответственность, объективный тест, субъективный тест, митигация, недобросовестность, шикана.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.070-080

Введение

Корпоративные отношения — это новая сфера для российской правовой системы, закреплен-

ная законодательно путем официального дополнения содержания четвертой главы Гражданского кодекса РФ статьями 65.1, 65.2, 65.3¹. В то время как действующее общее право Велико-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

© Брисов Ю. В., 2019

* Брисов Юрий Владимирович, LL.M., магистр гражданского права, аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
seo@lfcs.pro
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

британии (common law) апеллирует к прецедентам конца XIX в., в которых начали проявляться зачатки раскрытия принципа добросовестности, хотя и не получившие легального определения, но сформировавшие позитивную тенденцию по его широкому применению в судебной практике. Позже добросовестность найдет свое отражение в законодательных актах Великобритании, Евросоюза, а далее в нормах Гражданского кодекса и специальных законах Российской Федерации². К первым делам, рассмотренным в интересующем нас контексте, обычно относят *Salomon v Salomon & Co Ltd* [1897] AC 33³.

Следует обратить внимание, что большинство правовых положений, сформулированных в вышеприведенном деле и отраженных в объективном тесте (objective test), до сих пор не являются столь очевидными для российской правоприменительной практики. Так, в деле № А43-5622/2016, переданном на основании определения № 301-ЭС18-9388 от 08.11.2018⁴ для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, фактические обстоятельства практически полностью повторяют ситуацию, с которой английское право столкнулось более 100 лет назад.

Безотносительно сути выводов, к которым пришла Судебная коллегия, сам факт рассмотрения подобных вопросов на «высшем уровне» свидетельствует о молодости и неокончателюности сформированности корпоративных отношений, регулирующих их законов и правовых принципов, как и об отсутствии выработанных правоприменительных подходов.

Модели корпораций: их становление, управление и развитие

Для корпоративных компаний (корпораций) российское законодательство предусматривает многообразие организационно-правовых форм, преследующих различные комбинации социальных, деловых, профессиональных, потребительских и предпринимательских целей. Список, представленный частью первой ст. 65.1 ГК РФ, является полным и произвольному расширению не подлежит (numerus clausus).

Абзац второй части первой ст. 65.1 ГК РФ конкретизирует, в виде каких организационно-правовых форм могут создаваться компании, где лица, их формирующие и составляющие костяк управления, в то же время не являются их членами и не принимают в повседневной деятельности организации непосредственного участия (унитарные юридические лица).

Теоретические модели корпораций и корпоративного управления рассматриваются исследователями с учетом национальной специфики. Модель общего права (англо-американская) предполагает «распыление» акций между неопределенным кругом инвесторов (они могут и не являться большими игроками на инвестиционном поле), которые и образуют «костяк» корпорации в лице его выгодополучателей. Текущее управление компанией целиком отдано классу менеджеров, которые являются «проводниками» воли держателей акций. Поскольку круг потенциальных инвесторов абсолютно не ограничен, такую модель корпоративного построения еще называют аутсайдерской⁵, направленной «вовне».

Континентальное корпоративное право (романо-германское) вовлекает в построение корпораций все слои общества и экономики, ко-

² Kelly D. Business Law. 3rd Edition. Routledge, 2017. P. 356.

It merely permitted its application to one-man and private companies. Following the European Community's 12th Directive on Company Law (89/667), which was enacted in the UK in the form of the Companies (Single Member Private Limited Companies) Regulations 1992 (SI 1992/1699), provision was made for the establishment of true one-person companies.

³ Kelly D. Op. cit. P. 325, 355—356.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 15.11.2018 № 301-ЭС18-9388(2) по делу № А43-5622/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Долинская В. В. Общее собрание акционеров : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2016. 160 с.

торые имеют прямую заинтересованность в результатах их деятельности. Это и сами держатели акций, и управляющее звено, и трудовой коллектив. Корпорации преследуют прежде всего созидательные цели, поэтому такая модель получила название инсайдерской или интроспективной⁶.

Японский способ управления корпорацией (восточная модель)⁷ основан на созидающем эффекте: деятельность корпорации должна служить цели процветания общества. В этом данная модель имеет определенное сходство с немецкой, но, в отличие от последней, здесь теснейшая связь с обществом достигается через создание целых конгломератов, «кейрецу» — компаний, чьи действия вплотную сопряжены друг с другом.

Российская модель исторически складывалась по типу инсайдерской модели управления, но в то же время имеет признаки и восточной модели.

По мнению экспертов, до своей полной идентификации система корпоративного управления еще не дошла⁸, поскольку имеет ряд существенных несовершенств и дестабилизирующих систему факторов (например, недостаточное и непостоянное финансовое участие в деятельности корпораций заинтересованных кредитных организаций)⁹.

Ответственность управляющих лиц.

Фидуциарные отношения и добросовестность

Специфика российского корпоративного права заключается в ограниченности развития его

нормативной системы определенным кругом юридических лиц: так, под объектами регулирования корпоративной отрасли понимаются прежде всего (и чаще всего исключительно) хозяйственные товарищества и хозяйственные общества. Лица, ответственные за управление, должны не только добиваться процветания корпорации, но и одобрения их способа действий всеми сосособственниками юридического лица. В хозяйственных обществах наиболее ярко проявляется разделение капитала и управления¹⁰. Именно на примере хозяйственных обществ в исследовании будет рассмотрена проблематика добросовестного несения обязанностей лицами, отвечающими за управление в корпорациях в форме обществ¹¹.

В английском корпоративном праве такие обязанности традиционно называют фидуциарными (fiduciary duties), для которых свойственны две составляющие — обязанность проявлять должную заботу (duty of care) и обязанность преданного отношения к корпорации и ее участникам (duty of loyalty)¹². Однако степень проявления этих составляющих — вопрос, на который англо-американское право до настоящего времени не нашло однозначного ответа. Более того, за последнее десятилетие наметилась тенденция на расщепление фидуциарной обязанности в корпоративных отношениях в США.

Так, в деле *Stone v. Ritter*, которое рассматривалось Верховным судом штата Делавэр, суд указал на то, что лояльность директора по отношению к обществу (duty of loyalty) является независимой обязанностью директора по отно-

⁶ Швец Д., Рожнова А. Производственная диета // Вестник McKinsey. 2003. № 3 (5).

⁷ Корпоративное управление : учебное пособие / под ред. В. Г. Антонова. М. : Норма, Инфра-М, 2006. С. 47, 120.

⁸ Кодекс корпоративного управления Банка России // URL: https://www.cbr.ru/statichhtml/File/11991/INf_apr_1014.pdf (дата обращения: 09.11.2018).

⁹ Цепов Г. В. Акционерные общества: теория и практика. М. : Норма, 2006. С. 41—42.

¹⁰ Курбатов А. Я. Доля в уставном капитале как объект доверительного управления: от правовой сущности к решению конкретных вопросов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 42—48.

¹¹ Шиткина И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2. С. 2—26.

¹² Шикин С. А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44—46.

шению к обществу, основанной на объективном требовании добросовестности, а не на фидуциарной обязанности¹³.

В Корпоративном законе штата Делавэр (DGCL) встречается несколько отсылок именно к добросовестности директора как обязанности не совершать действий во вред юридического лица¹⁴. Исследователи права также склоняются к позиции, что фидуциарные обязанности возлагают непомерное бремя ответственности на директора, призывая ограничить эти обязанности требованием не совершать грубых нарушений (*gross negligence*) и умышленных действий, призванных причинить вред юридическому лицу (*acting in bad faith*)¹⁵. Данное определение близко по смыслу континентальной доктрины *шиканы*¹⁶ или принципу объективной добросовестности, выведенному И. Б. Новицким¹⁷.

Корпоративное право Англии также существенно отступило от начал фидуциарности (*fiduciary*) в пользу добросовестности как ограничительного критерия против существенного пренебрежения обязанностями директоров или желания обогатиться в ущерб акционерам¹⁸.

Добросовестность выступает на передний план, отодвигая коммерческий интерес. Действия должностных лиц, которые не ведут к прямой прибыли корпорации, не могут быть сразу оценены как недобросовестные: возможны ситуации, когда именно совокупность предпринимаемых инициатив должностного лица так

или иначе оказывается успешной с коммерческой точки зрения, хотя первоначально общая картина преследуемой стратегии не была очевидной для акционеров¹⁹. Тем более фидуциарные обязанности, которые применимы к отношениям врачей с пациентами²⁰ или адвокатов (юристов)²¹ с доверителями, не должны распространяться на членов совета директоров или менеджмент компании.

Следует заметить, что в Великобритании на основании внутренних корпоративных документов степень ответственности может быть формализована и регламентирована строжайшим образом²². Речь идет лишь о том минимальном стандарте, который требуется по умолчанию на основании прецедентов²³.

Соотношение предпринимательского риска и добросовестности

Согласно российской арбитражной практике одним из существеннейших моментов оценки является соотношение предпринятых действий с границами, устанавливаемыми стандартом разумного предпринимательского риска.

В ряде случаев суды, ссылаясь на недобросовестность участников корпоративных отношений, используют общие понятия и отсылки к законодательству²⁴, которое, в свою очередь, не позволяет с достаточной степенью ограничить

¹³ Stone v. Ritter, 911 A.2d 362, 2006 Del. Lexis 597 (Del. Nov. 6, 2006).

¹⁴ Del. Code Ann. Tit. 8, § 102(b) (7) (2005).

¹⁵ Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory. 89 Cornell L. Rev. 1420, 1426-32 (2004).

¹⁶ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 67.

¹⁷ «Признание принципа доброй совести в качестве руководящего мерила при решении спорных вопросов само по себе не исключает возможности эгоистического отстаивания каждым своих интересов» (Новицкий И. Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124—181).

¹⁸ Stolzenberg & Ors v CIBC Mellon Trust Co Ltd & Ors [2004] EWCA Civ 827 (2004).

¹⁹ Re City Equitable Fire Insurance Co [1925] Ch 407.

²⁰ Sidaway v Board of Governors of the Bethlem Royal Hospital [1985] UKHL 1 (21 February 1985).

²¹ Solicitor Regulation Authority. England and Wales. Version 19 of the Handbook 1 October 2017 Principles. IB. 4.2.

²² Company Directors Disqualification Act 1986, s3, s6, s9.

²³ Companies Act 1989; Companies Act 2006, Pt 11 — Pt 25, s21—27.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского

применение норм о добросовестности, допускающая высокую степень судебного усмотрения²⁵.

Непредсказуемость экономических последствий не может остановить деловой оборот и инициативность лиц, ведущих предпринимательскую деятельность. Разумный экономический риск в этом смысле — понятие чрезвычайно размытое, основанное на обычаях делового оборота и индивидуальном судебном анализе деятельности и прибыльности компании в целом. Риск вбирает в себя: 1) неоднозначность обстоятельств, которые сопутствовали ответчику при принятии им анализируемого решения; 2) возможность проявления как благоприятных для организации, так и негативных последствий предпринятых шагов; 3) необходимость выбора стратегии как одного из выражений самого процесса управления компанией. При этом лицо вполне понимает, что объективность не зависит от него и любые его усилия могут привести к совершенно незапланированному результату²⁶. Лицо, осуществляющее управленческие функции в организации, по определению не может продолжительное время выдерживать пассивную позицию: принятие им решений, сопряженных с риском, является канвой его функциональности²⁷.

Разумно предположить, что если законодатель оставил достаточно существенный пробел

в системе корпоративного права, не раскрыв категорию разумного предпринимательского риска в содержании правовых норм, то восполнить данный пробел правового регулирования призваны высшие судебные инстанции страны. Однако следует отметить, что обозначенный процесс не спешит разворачиваться полномасштабно²⁸.

Как итог, в большинстве имеющихся судебных решений можно встретить стандартную ссылку судей на недоказанность истцами: 1) недобросовестности действий ответчика²⁹; 2) их противоречии при сопоставлении с разумным предпринимательским риском³⁰. Поскольку риск по своему смыслу всегда сопряжен с вероятностью, судьи должны быть предельно аккуратными в своих суждениях о вине ответчика в причинении убытков корпорации, помня, что не всегда к убыткам приводят сами действия/бездействие лица. Причины могут носить объективный характер, и ухудшающееся экономическое положение корпорации могло быть создано и усугублено в силу иных причин, не связанных с действиями директора (управляющего, коллегиального исполнительного органа)³¹.

Поэтому чрезвычайно важно исследование в судебном процессе абсолютно всех сопутствующих делу обстоятельств, создающих полную картину происходящих в корпорации процессов.

Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации” // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

²⁵ Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 60—113 ; № 10. С. 62—115.

²⁶ Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 327.

²⁷ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 220.

²⁸ Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154—202.

²⁹ Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2018 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2018 № 301-ЭС18-15623 по делу № А28-7947/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Кроме того, исходя из правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 30 июля 2013 г. № 62³² (п. 1, абз. 2), в область вопросов, подлежащих разрешению судом, не включается проверка экономической целесообразности действий, предпринимаемых ответчиком, если они вписывались в принятую в бизнес-сообществе степень предпринимательского риска.

**Causation. Duty to mitigate,
duty of care and duty of loyalty³³**

Суду надлежит установить форму вины ответчика: были ли действия/бездействие допущены лицом умышленно либо по неосмотрительности (неосторожности). Это также влияет на вынесение окончательного судебного решения, определяющего размер и порядок компенсации ответчиком убытков обществу.

Следует также отметить, что если корпорация в лице иных уполномоченных лиц сама способствовала увеличению тяжести своих убытков³⁴ путем проведения неблагоприятных для ее финансового положения мероприятий либо не предприняла своевременно активных действий по стабилизации ухудшающейся ситуации, то суд признает, что в наступивших последствиях виноват не только ответчик, но и сама компания, следовательно, тяжесть последствий распределяется между лицами пропорциона степени их вовлеченности в причинение реального ущерба. Для ответчика такое суждение суда является в большинстве случаев благоприятным,

поскольку уменьшает размер убытков, подлежащих компенсации за его счет. Представляется очевидным, что, когда потерпевшее лицо, вместо того чтобы приложить все возможные силы для смягчения причиненных ему негативных последствий, сознательно отягощает их, то здесь имеет место смешанная вина как злонамеренного лица, так и лица, от него пострадавшего.

Данная обязанность митигировать убытки (*duty to mitigate*) хорошо знакома английскому праву и часто используется в делах об установлении ответственности директора³⁵. Это отличается институт смешанной вины от категории совместного причинения, при которой вред наносится двумя или более лицами³⁶.

По общему правилу российского корпоративного законодательства доказать вину ответчика должны инициаторы судебного спора³⁷ (абз. 3, 4 п. 1 постановления ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62, п. 5 ст. 10 ГК РФ). Опыт же иностранных моделей корпоративных отношений подходит к интерпретации этого вопроса с разных сторон. Например, правоприменительная практика немецкого государства формируется таким образом, что именно лицо, исполняющее управленческие полномочия, обязано предоставить суду все возможные материалы и убедительные аргументы о своих благонадежных действиях в рамках добросовестности, проводимых в защиту интересов компании³⁸. Слово за управляющим и за ним соответственно закрепляется обязанность доказывания своей непричастности к убыточному состоянию представляемой им компании (например, п. 2 § 93, п. 2 § 117 Акционерного закона ФРГ от 6 сентября 1965 г.)³⁹.

³² Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // *Солидарность*. 2013. 28 авг. № 31.

³³ Причинная связь. Обязанность по смягчению негативных последствий. Должные заботливость и преданность.

³⁴ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 128.

³⁵ *Parabola Investments Ltd v Browallia Cal Ltd* (2010) (sensible limits are imposed by the principles of causation, remoteness and the duty to mitigate loss).

³⁶ Шиткина И. С. Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Кнорус, 2015. С. 424.

³⁷ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2016. Т. 1. С. 323.

³⁸ Коновалов Н. Необычные сделки в зарубежном законодательстве // *ЭЖ-Юрист*. 2012. № 45. С. 8.

³⁹ Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран // Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции : сб. нормативных актов / ред.: М. И. Кулагин, В. К. Пучинский. М. : Изд-во УДН, 1987. С. 63—98.

Американское корпоративное право возлагает обязанность доказывания рассматриваемых фактов на инициаторов процесса. В частности, большинство кейсов имеют в своем основании обвинение лица, которому делегирована исполнительная власть в корпорации, в допущенном им бездействии, которое повлекло за собой тяжелые для корпорации последствия. Истцы должны обосновать прямую связь (causation) между допущенной пассивностью и неблагоприятными последствиями, проявившимися в компании после нее⁴⁰. Так, в деле *Francis v. United Jersey Bank* член совета директоров была обвинена в том, что, хотя и не способствовала, но не приняла действий для предотвращения хищения корпоративного имущества другими членами совета директоров⁴¹.

В представленном деле пассивность, выраженная в бездействии в отношении предотвращения или уменьшения вреда (duty to mitigate), обладающего властными полномочиями в корпорации, стала одним из основных факторов, повлекших нанесение корпорации серьезного финансового урона.

Возвращаясь к российской правовой действительности, будет разумно отметить, что, поскольку корпоративное право является отраслью, отмежевавшейся от гражданского права, на нее распространяются общие нормы последнего.

В вопросах доказывания вины лиц — носителей властных полномочий в корпорации это выражается в распространении на ответчиков п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей требование добросовестности, истинность которой опровергается исключительно в судебном порядке путем доказательных процедур. Данное понимание сформировалось на основе постановления ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62. В нем указывается на обязанность истцов доказывать суду очевидность фактических

обстоятельств, которые неоспоримо свидетельствуют о том, что ответчик прямо нарушал свои обязанности (поступал злонамеренно) либо действовал недобросовестно, что послужило причиной тяжелого урона для акционеров (участников) общества. Здесь следует отметить, что законодатель в свое время предпринял попытку ограничить широту применения ст. 10 ГК РФ. В частности, формулировка ч. 1 ст. 10 ГК РФ была дополнена словом «заведомо» применительно к термину добросовестности, однако на практике это дало скорее обратный эффект. Категория «заведомость» подразумевает умысел, а понятие недобросовестности включает в себя умысел, как представляется, невозможно совершить недобросовестное действие по неосторожности. Такая путаница была бы невозможна в правовых порядках, в которых добросовестность непосредственно произносится как «нечистая совесть»: bad faith — английский, mauvaise foi — французский, böser Glaube — немецкий и др.

Так, в деле *September Seventh Entertainment Ltd. v. Feldman Agency* Высший суд провинции Онтарио в рассуждениях на тему определения понятия добросовестности характеризует его как само собой разумеющееся, не требующее специальных пояснений, как любовь⁴². Однако в контексте российского правоприменения доктринальные труды, направленные на разъяснение не только правовой, но и корреспондирующей с ней этимологической сути, представляются весьма уместными, так как понятие «добросовестность» в российской семантике оторвано от привычного понимания, что отмечалось правоведами еще в начале XX в.⁴³

Данная неопределенность не является основной причиной, но тоже, в свою очередь, приводит к отсутствию единообразия в разрешении российскими судами однотипных споров.⁴⁴ Также упомянутая неопределенность рас-

⁴⁰ Hoffmann Lord. Fairchild and after // Judge and Jurist: Essays in Memory of Lord Rodger of Earlsferry / A. Burrows, D. Johnston, and R. Zimmermann (eds). OUP, 2013. P. 63.

⁴¹ Francis v. United Jersey Bank. 87 N.J. 15, 432 A.2d 814, 1981 N.J. Lexis 1652 (N.J. July 1, 1981).

⁴² September Seventh Entertainment Ltd. V. Feldman Agency, 2017 ONSC 552, 2017 Carswell Ont 825.

⁴³ Брисов Ю. В. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. М. : Директ-Медиа, 2017. С. 32.

⁴⁴ Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М. : Спарк, 1996. С. 72.

ходится с общим вменением добросовестности, установленной в Гражданском кодексе⁴⁵.

Выводы

Российское корпоративное право достаточно молодо, в настоящее время оно интенсивно развивается, но процесс приведения в полное соответствие положений Гражданского кодекса РФ и специальных законов не завершен. Поскольку множество вопросов корпоративного права не получило должной законодательной регламентации, сложившаяся ситуация приводит к формированию в правоприменительной практике противоречащих друг другу подходов в разрешении однородных дел.

В этой связи видится целесообразным ограничить понимание добросовестности в корпоративном праве: 1) как требования, запрещающего приносить умышленный вред (с целью получения выгоды), — применение объективного теста (objective test); 2) только в случаях, когда нормы действующего законодательства не позволяют применить закон напрямую или

при применении аналогии закона, — внимательно изучать фактические обстоятельства (subjective test), формируя показательные решения. Подобный правоприменительный подход способствует развитию корпоративных отношений, основанных на принципе диспозитивности, что в целом более свойственно для развития данных отношений, как показывает современный правоприменительный тренд и доктрина корпоративного права, нежели ригидный подход, основанный на императивных нормах и завышенных требованиях фидуциарности, применяемых к участникам корпораций.

Также следует заметить, что презумпция недобросовестности не предполагалась разработчиками положений российского корпоративного законодательства. Вопрос о том, имела ли место недобросовестность в действиях исполнительного органа, при недостаточности материалов, представленных истцом, не должен возлагаться на ответчика. В делах о взыскании убытков с ответчика причиной финансовых потерь компании не обязательно должна являться недобросовестность исполнительного органа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брисов Ю. В. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. — М. : Директ-Медиа, 2017. — 182 с.
2. Голубев С. А., Гузнов А. Г., Комиссарова М. В. Система страхования вкладов: вопросы взаимоотношения Банка России и Агентства по страхованию вкладов // Банковское право. — 2005. — № 1. — С. 9—14.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2016. — Т. 1. — 511 с.
4. Гражданское право : учебник : в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 560 с.
5. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран // Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции : сб. нормативных актов / ред.: М. И. Кулагин, В. К. Пучинский. — М. : Изд-во УДН, 1987. — 260 с.
6. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 736 с.
7. Егоров А. В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 4. — С. 23—27.
8. Коновалов Н. Необычные сделки в зарубежном законодательстве // ЭЖ-Юрист. — 2012. — № 45. — С. 10—13.

⁴⁵ Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. 2013. № 4.

9. Корпоративное право : учебный курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 990 с.
10. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. — 2013. — № 4. — С. 185—192.
11. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — М. : Статут, 2010. — 423 с.
12. Новицкий И. Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124—181.
13. Опыты цивилистического исследования : сборник статей / А. Е. Агеенко, И. И. Акимова, В. А. Волгина [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2018. — Вып. 2. — 368 с.
14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 2001. — 353 с.
15. Российское гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Бек, 2010. — Т. 1. — 704 с.
16. Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 9. — С. 60—113 ; № 10. — С. 62—115.
17. Суханов Е. А. Корпоративное соглашение — это бомба под весь наш оборот / Интервьюер Я. Пискунов // Закон. — 2014. — № 7. — С. 8—13.
18. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М. : Статут, 2014. — 456 с.
19. Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). — М. : Спарк, 1996. — 112 с.
20. Цепов Г. В. Акционерные общества: теория и практика. — М. : Норма, 2006.
21. Швец Д., Рожнова А. Производственная диета // Вестник McKinsey. — 2003. — № 3 (5). — С. 65—89.
22. Шикин С. А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. — 2018. — № 4. — С. 44—46.
23. Шиткина И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». — 2015. — № 2. — С. 2—26.
24. Шиткина И. С. Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Кнорус, 2015. — 500 с.
25. Kelly D. Business Law. — 3rd Edition. — Routledge, 2017.
26. Hoffmann Lord. Fairchild and after // Judge and Jurist: Essays in Memory of Lord Rodger of Earlsferry / A. Burrows, D. Johnston, and R. Zimmermann (eds). — OUP, 2013. — P. 63.
27. Solicitor Regulation Authority. England and Wales. — Version 19 of the Handbook 1. — October 2017. — Principles. IB. 4.2.
28. Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory // Cornell L. Rev. — 2004. — № 89.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2019 г.

IMPLEMENTATION OF THE DOCTRINE OF GOOD FAITH IN CORPORATE LEGAL RELATIONS

Yuriy V. Brisov, LL.M., Master of Civil Law, Postgraduate Student of the Department of Civil Law,
Russian State University of Justice
ceo@lfcs.pro
ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418

Abstract. *Good faith (bona fides) is presented in the Civil Code of the Russian Federation as a general principle and presumption. In resolving corporate disputes, the courts are governed by general principles of good faith. However, corporate relations have a specificity due to, inter alia, the variety of corporate forms. It can be assumed that the*

application of good faith provisions should also vary taking into account the characteristics of corporate patterns, the types and forms of corporate relations, subjective internal corporate circumstances.

Common law countries have developed a system of good faith elements and special tests to apply the required requirement of good faith according to the context. A special place is given to fiduciary relations as a product of bona fides. The author has carried out a comparative analysis of the provisions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the law enforcement practice of Germany, the USA, Great Britain and Canada on the issues of good faith in the consideration of corporate disputes. Special attention is paid to the interrelation between corporate ethics and law.

Examining a number of key cases from the law-enforcement practice of the courts of the Anglo-American system of law, the author substantiates the possibility of applying special tests, namely, objective and subjective good faith tests, to regulate matters related to the application of the rules of good faith from the Civil Code and special laws in dealing with corporate disputes. Special attention is paid to the role of courts and permissible discretion in the formation of standards of enforcement of blanket norms and general principles of law in corporate relations.

Keywords: *good faith, fiduciary, corporation, corporate ethics, responsibility, objective test, subjective test, mitigation, bad faith, chicanery.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Brisov Yu. V. Realizaciya principa dobrosovestnosti v grazhdanskom prave. — M. : Direkt-Media, 2017. — 182 s.
2. Golubev S. A., Guznov A. G., Komissarova M. V. Sistema strahovaniya vkladov: voprosy vzaimootnosheniya Banka Rossii i Agentstva po strahovaniyu vkladov // Bankovskoe pravo. — 2005. — № 1. — S. 9—14.
3. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. — M. : Statut, 2016. — T. 1. — 511 s.
4. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / O. G. Alekseeva, E. R. Aminov, M. V. Bando [i dr.] ; pod red. B. M. Gongalo. 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2018. — T. 2. — 560 s.
5. Grazhdanskoe, torgovoe i semejnoe pravo kapitalisticheskikh stran // Zakonodatel'stvo o kompaniyah, monopoliiyah i konkurencii : sb. normativnykh aktov / red.: M. I. Kulagin, V. K. Puchinskij. — M. : Izd-vo UDN, 1987. — 260 s.
6. Dolinskaya V. V. Akcionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendencii. — M. : Volters Kluver, 2006. — 736 s.
7. Egorov A. V. Mnogoznachnost' ponyatiya obyazatel'stva: prakticheskij aspekt // Vestnik VAS RF. — 2011. — № 4. — S. 23—27.
8. Konovalov N. Neobychnye sdelki v zarubezhnom zakonodatel'stve // EZh-Yurist. — 2012. — № 45. — S. 10—13.
9. Korporativnoe pravo : uchebnyj kurs: v 2 t. / E. G. Afanas'eva, V. A. Vajpan, A. V. Gabov [i dr.] ; otv. red. I. S. Shitkina. — M. : Statut, 2018. — T. 2. — 990 s.
10. Kulakov V. V. Osnovnye principy grazhdanskogo prava kak osobaya forma prava // Vestnik Permskogo universiteta. — 2013. — № 4. — S. 185—192.
11. Luk'yanenko M. F. Ochnochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushchestvennost'. — M. : Statut, 2010. — 423 s.
12. Novickij I. B. Princip dobrosovestnosti v proekte obyazatel'stvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — № 1. — S. 124—181.
13. Opyty civilisticheskogo issledovaniya : sbornik statej / A. E. Ageenko, I. I. Akimova, V. A. Volgina [i dr.] ; ruk. avt. kol. i otv. red. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. — M. : Statut, 2018. — Vyp. 2. — 368 s.
14. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — M. : Statut, 2001. — 353 s.
15. Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik / otv. red. E. A. Suhanov. — M. : Bek, 2010. — T. 1. — 704 s.
16. Stepanov D. I. Dedloki v nepublichnykh korporacijah: vozmozhnye varianty razvitiya zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2015. — № 9. — S. 60—113 ; № 10. — S. 62—115.

17. Suhanov E. A. Korporativnoe soglasenie — eto bomba pod ves' nash oborot / Interv'yuer Ya. Piskunov // *Zakon*. — 2014. — № 7. — S. 8—13.
18. Suhanov E. A. *Sravnitel'noe korporativnoe pravo*. — M. : Statut, 2014. — 456 s.
19. Syrodova O. N. *Akcionerное pravo SShA i Rossii (sravnitel'nyj analiz)*. — M. : Spark, 1996. — 112 s.
20. Cepov G. V. *Akcionerные obshchestva: teoriya i praktika*. — M. : Norma, 2006.
21. Shvec D., Rozhnova A. *Proizvodstvennaya dieta* // *Vestnik McKinsey*. — 2003. — № 3 (5). — S. 65—89.
22. Shikin S. A. *Fiduciarnye obyazannosti direktorov korporacij v rossijskom i anglo-amerikanskom prave* // *Grazhdanskoe pravo*. — 2018. — № 4. — S. 44—46.
23. Shitkina I. S. *Imushchestvennaya otvetstvennost' v korporativnyh pravootnosheniyah (na primere hozyajstvennyh obshchestv) (lekciya v ramkah uchebnogo kursa «Predprinimatel'skoe pravo»)* // *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes»*. — 2015. — № 2. — S. 2—26.
24. Shitkina I. S. *Korporativnoe pravo : uchebnik / otv. red. I. S. Shitkina*. — M. : Knorus, 2015. — 500 s.
25. Kelly D. *Business Law*. — 3rd Edition. — Routledge, 2017.
26. Hoffmann Lord. *Fairchild and after* // *Judge and Jurist: Essays in Memory of Lord Rodger of Earlsferry* / A. Burrows, D. Johnston, and R. Zimmermann (eds). — OUP, 2013. — P. 63.
27. Solicitor Regulation Authority. *England and Wales*. — Version 19 of the Handbook 1. — October 2017. — Principles. IB. 4.2.
28. Lubben S. J. *Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory* // *Cornell L. Rev*. — 2004. — № 89.